

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-10

18+

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65251427

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга о Ленине. События происходят в 1917-м году в тогдашней столице России Петрограде. Ленин ведёт активную борьбу за захват власти большевиками. Политическая борьба, интриги, митинги.

Содержание

11 августа 1917 года.	4
12 – 15 августа 1917 года.	7
20 августа 1917 года.	10
21 августа 1917 года.	12
24 августа 1917 года.	14
26 августа 1917 года.	17
27 августа 1917 года.	19
28 августа 1917 года.	22
29 августа 1917 года.	23
30 августа 1917 года.	24
Конец августа 1917 года.	27
31 августа 1917 года.	31
1-3 сентября 1917 года.	33
3 сентября 1917 года.	37
12 сентября 1917 года.	39
15 сентября 1917 года.	41
20 сентября 1917 года.	43
21 сентября 1917 года.	46
25 сентября 1917 года.	47
27 сентября 1917 года.	48

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-10

11 августа 1917 года.

Младший Лев, Лёвушка Седов, сын Троцкого и Натальи Седовой, сидел рядом с братом Сергеем и матерью на казённой скамье и мрачно, но с ожиданием смотрел через решётку на тюремный коридор, откуда должен появиться отец. Всё плохо. Отец в тюрьме, и на улицах его, как и большевиков, называют немецким шпионом. Да если бы только на улицах!

Этим летом мама отвезла их на дачу, к знакомой ещё по прошлым временам семье одного отставного полковника. Мама считала, что революция революцией, а дети должны выезжать на природу дышать свежим воздухом хотя бы летом.

Сам полковник, как и семья, были людьми хорошими, их с братом приняли ласково и по-доброму. Но вот нескончаемые посетители ...

Полковник был гостеприимен, но круг его знакомых, естественно, состоял в основном из офицеров и патриотов старой закваски. Собиравшиеся за столом пили водку и ругали большевиков. Братья старались сдерживаться, несмотря на то, что папа теперь – тоже большевик. Мама, оставляя их

на даче, очень просила не затевать конфликтов. Но в конце концов сдержаться не удалось.

Это произошло, когда какой-то патриот из штатских, выпив лишнего, прямо назвал немецкими шпионами Ленина ... и Троцкого. Тут уж Лёвушка не сдержался и кинулся не обидчика с поднятым стулом. Сергей, не раздумывая, схватил столовый нож и бросился за братом.

Их, конечно, тут же разняли. Стул и нож отобрали, а самих отвели в их комнату и заперли от греха. Они долго рыдали.

Всё вокруг представлялось в чёрном цвете. Революция не оправдала надежд. Отец в тюрьме. Его называют шпионом. И на этой даче решительно невозможно находиться! Слушать эти пьяные речи?! Благодарим покорно! К чертям свежий воздух! Хотим назад, в Питер!

Мечты сбылись уже на завтра. Приехала мама, легко пожурила за несдержанность и забрала в город. Сейчас они ожидали свидания с отцом.

В коридоре появился папа в сопровождении конвоира. Он выглядел как обычно. Был тщательно одет, причёсан и, главное, спокоен. Улыбнулся детям, поднял руку в знак приветствия и ласково заговорил через решётку с женой. В разгар разговора Лёва заметил, как мама незаметно для конвоира передала папе маленький перочинный нож. Ого! Не всё так плохо. Папа не сдаётся.

Он не знал, что перочинный нож Троцкий попросил же-

ну принести совсем не в целях организации вооружённого восстания в тюрьме, а для гораздо более прозаических житейских нужд. Да это было и не важно. Порой детям нужно совсем немного для того, чтобы их настроение радикально улучшилось.

12 – 15 августа 1917 года.

В эти дни в Москве прошло государственное совещание в котором участвовали представители Государственной думы всех четырех созывов – Милюков, Керенский, Церетели и другие. Кроме того, на совещании должны были присутствовать Верховный Главнокомандующий Лавр Корнилов и генерал Каледин.

Керенский, которого уже беспокоила растущая популярность Корнилова, с большой неохотой согласился на его участие, поставив условием, чтобы тот говорил на совещании только о чисто военных вопросах.

Должна была присутствовать и делегация от Центрального Исполкома (ЦИК) Советов, где были и большевики. ЦК поставил своим делегатам задачу образовать на совещании большевистскую фракцию, которой поручалось выработать декларацию, зачитать ее перед началом работы совещания и в знак протеста демонстративно покинуть зал заседаний.

Сделать это большевикам не удалось, так как ЦИК Советов, разгадав их замысел, исключил большевиков из состава своей делегации. Тогда ЦК, пользуясь преобладанием большевиков в руководстве московских профсоюзов, объявил день открытия Московского совещания днем всеобщей политической забастовки.

На удивление призыву ЦК последовало свыше четырёхсот

тысяч рабочих Москвы и ее окрестностей. Это был неожиданно большой революционный успех именно в Москве, которую до сих пор считали более консервативной по сравнению с Петроградом (потому Государственное совещание и было созвано здесь). Это заставило даже Ленина пересмотреть (на время) свою стратегию завоевания власти в отношении главного центра восстания. Несколько позже Ленин писал:

"Москва теперь, после Московского совещания, после забастовки, после 3-5 июля, приобретает или может приобрести значение центра. В этом громадном пролетарском центре, который больше Петрограда, вполне возможно нарастание движения типа 3-5 июля. Тогда в Питере лозунг взятия власти был бы неверен. Теперь совсем не то. Теперь в Москве, если вспыхнет стихийное движение, лозунг должен быть именно взятия власти".

Но вернёмся к Государственному Совещанию.

Выступил Главнокомандующий Лавр Корнилов. Он произнес яркую и, невзирая на запрет Керенского, политическую речь. Она была пронизана патриотизмом, призывами к твёрдой власти и словами о давно назревшей необходимости навести порядок в стране и армии. Генерал указал на катастрофическое положение на фронте, на губительное действие на солдатские массы законодательных мер, предпринимаемых Временным Правительством, на продолжающуюся разрушительную пропаганду, сеющую в Армии и стране

анархию.

Публика встретила речь восторженно, при выходе Корнилова забросали цветами, а юнкера и текинцы несли его на плечах.

В общем, у Временного Правительства появлялись всё новые проблемы. Как слева – от потихоньку оправившихся после июльского разгрома большевиков, так и справа – от стремительно набиравшего авторитет в кругах, желавших твёрдой власти, генерала Лавра Корнилова.

Ситуация заставляла Александра Керенского нервничать всё больше и больше.

20 августа 1917 года.

На самом деле Лавр Корнилов принял решение ещё до Московского Совещания.

В те дни, когда проходило Совещание, уже начались передвижения верных генералу частей. На Петроград из Финляндии двигался кавалерийский корпус генерал-майора Долгорукова. На Москву – Седьмой Оренбургский казачий полк.

Но они были остановлены соответственно командующими Петроградского и Московского военного округов.

Вслед за тем в районе Невеля, Новосокольников и Великих Лук были сконцентрированы наиболее надёжные с точки зрения Корнилова части – Третий кавалерийский корпус и "Дикая дивизия" под командованием генерал-лейтенанта Александра Крымова. Смысл этой концентрации, абсурдной с военной точки зрения, был прозрачен. Создавался плацдарм для похода на Петроград.

Когда начальник штаба Корнилова генерал Лукомский, до сих пор не посвящённый в заговор, потребовал объяснений, Корнилов сообщил ему, что имеет целью защитить Временное правительство от нападения большевиков и Советов даже против воли самого правительства. Он повесит германских агентов и шпионов во главе с Лениным и разгонит Советы.

Корнилов хотел доверить эту операцию Крымову, так как

знал, что тот, не колеблясь, развесит на фонарях всех членов Петроградского Совета.

Возможно, в последний момент удастся заключить соглашение с Временным правительством, но, если согласия последнего добиться не удастся, ничего страшного не случится. Потом они сами скажут спасибо.

К этому моменту к тому же состоялся прорыв немцев под Ригой. С одной стороны, он создавал реальную угрозу Петрограду, а с другой давал повод воспользоваться этой угрозой для "наведения порядка". Произошедшее в связи с этим перебазирование Ставки на территорию Петроградского военного округа также создавало двусмысленную и тревожную для Керенского ситуацию.

Керенский, чьи отношения с Корниловым после Московского совещания обострились, теперь решил вступить с ним в союз. Соглашение было выработано. Керенский давал Корнилову значительную власть, надеясь, что он очистит своё окружение в Ставке от слишком открытых и воинственных реакционеров.

20 августа Керенский согласился на объявление в Петрограде и его окрестностях военного положения и на прибытие в Петроград военного корпуса для реального осуществления этого положения, то есть для борьбы с большевиками.

21 августа 1917 года.

В этот день немецкие войска заняли Ригу. Надо сказать, что, несмотря на успехи начала июля, дальше дела у правительства Керенского шли всё хуже и хуже. Хозяйственно-экономическая ситуация ухудшалась с каждым днём, на фронте, как мы видим, дела обстояли не лучшим образом – и, как результат, патриотические настроения угасали, а авторитет признанных противников власти – большевиков, соответственно, снова рос.

Чему, конечно, способствовала в том числе и деятельность Ленина, который не пропускал ни одного удобного случая укусить правительство. Вот и сейчас после падения Риги он препроводил в ЦК "Листок по поводу взятия Риги", в котором, разумеется, в конце было: "Долой правительство Керенского".

Временное правительство боролось как могло. В тот же день Керенский утвердил решение о выделении Петроградского военного округа в прямое подчинение Ставки. Предполагалось, что как военная, так и гражданская власть в округе будет принадлежать Корнилову, однако сам Петроград останется в ведении правительства.

Третий Кавалерийский корпус, как особо надёжный, будет передан Керенскому, однако под командованием не Крымова, а другого, более либерального и лояльного правитель-

ству, командира.

Из надёжных частей предполагалось сформировать Особую армию в непосредственном распоряжении правительства. Генерал-губернатором Петрограда назначался видный член эсеровской партии Борис Савинков.

24 августа 1917 года.

Корнилов, с одной стороны, издал распоряжение командующему Первой кубанской казачьей дивизией Петру Краснову принять командование Третьим корпусом, а с другой, не дав времени Краснову вступить в должность, выдвинул корпус по-прежнему под командованием Крымова вместе с Дикой дивизией, а также кавалерийский корпус Долгорукова на Петроград.

Таким образом, движение корниловских войск на Петроград началось абсолютно легально. Корнилов формально поставил перед Крымовым задачи:

1) В случае получения сведений о начале выступления большевиков в Петрограде немедленно занять город, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнули к большевикам, обезоружить население Петрограда и разогнать С оветы.

2) По окончании исполнения этой задачи Крымов должен был выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и по прибытии туда потребовать от Кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк.

Корнилов уже играл в свою игру, не собираясь делиться властью с Керенским. В общем, у генерала были на то основания.

Нет, он не был монархистом. Работа разведчика дураков

не терпит, а способности к математике предполагают наличие логического мышления. Корнилов ясно понимал, что к Февральской революции страну привела в большой мере бездарность царя Николая Второго как правителя и не желал повторения ситуации, при которой во главе страны становится не достойнейший, а всего-навсего родившийся в той семье, где требуется.

Но и к сменившему царя Временному Правительству он относился безо всякого уважения, насмотревшись – насколько успешно разлагают армию эти его нововведения типа комитетов, советов и комиссаров.

В общем, он видел один путь. Продолжая войну до победного конца – верность союзническим обязательствам была для Корнилова не пустыми словами – подготовить и провести выборы в Учредительное Собрание, которое потом и решит – как жить России.

Но, не веря в способность Временного Правительства продолжать войну и успешно довести страну до Учредительного Собрания, он решил взять дело в свои руки. Что означало его, Корнилова, военную диктатуру. Пока.

Поэтому когда в Ставку для переговоров прибыл добровольно взявший на себя роль посредника однофамилец бывшего главы правительства Владимир Львов, генерал, уже не считая нужным скрывать свою точку зрения, так Львову всё и изложил.

Керенскому предлагался портфель министра юстиции, а

Савинкову – военного министра.

Он также просил Львова предупредить Керенского и Савинкова, что за их жизнь не ручается, а потому пусть приедут в Ставку, где Корнилов сможет обеспечить их личную безопасность.

26 августа 1917 года.

Владимир Львов встретился с Керенским и передал ему условия Корнилова. При этом он пересказал также настроения, господствовавшие в Ставке и резко негативные в отношении Керенского. И пересказал в такой форме, что это можно было принять за слова самого Корнилова.

В результате у Керенского, боявшегося Корнилова и находившегося в возбуждённом и нервном состоянии, возникло впечатление, что тот ультимативно требует от него сложить власть и явиться в Ставку. Где без сомнения уже готовят его, Александра Керенского, убийство. А Владимир Львов на стороне Корнилова и хочет заманить его, Керенского, в ловушку.

С этого момента действия Керенского направлены на то, чтобы доказать связь между Львовым и Корниловым настолько ясно, чтобы Временное правительство было в состоянии принять решительные меры. Керенский предложил Львову записать его требования на бумаге, после чего последним была составлена следующая записка:

"Генерал Корнилов предлагает:

- 1) Объявить Петроград на военном положении.
- 2) Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного Главнокомандующего.
- 3) Отставка всех министров, не исключая и мини-

стра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров, впредь до образования кабинета Верховным Главнокомандующим."

Затем последовали переговоры по прямому проводу между Керенским и Корниловым.

Генерал подтвердил, что просит срочно, не откладывая, прибыть в Ставку, в Могилёв, Керенского и Савинкова.

Для находящегося в крайне нервном состоянии Александра Фёдоровича это выглядело как подтверждение его худших подозрений.

Вечером на заседании правительства Керенский квалифицировал действия Верховного главнокомандующего как мятеж. Во время произошедшего бурного совещания Александр Фёдорович требовал для себя диктаторских полномочий для подавления мятежа. Однако другие министры выступили против и настаивали на мирном урегулировании.

Керенский несколько раз хлопал дверью, угрожал, что раз министры его не поддерживают, то он "уйдёт к Советам".

В результате была спешно составлена телеграмма, посланная в Ставку за подписью Керенского, в которой Корнилову было предложено сдать должность генералу Лукомскому и немедленно выехать в столицу.

27 августа 1917 года.

Корнилов прочитал телеграмму и сначала настолько не поверил её содержанию, что принял за фальшивку.

Между тем в газетах утром было опубликовано заявление Керенского, начинавшееся словами: "26 августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной Думы Львова с требованием передачи Временным правительством всей полноты военной и гражданской власти, с тем, что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страной".

Лавр Георгиевич, и так не слишком уважавший председателя правительства, пришёл в ярость.

Ответом его на заявления Керенского было формальное объявление войны Временному правительству. Было опубликовано воззвание Корнилова:

"Телеграмма министра-председателя за № 4163, во всей своей первой части, является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества. Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под дав-

лением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ – путём победы над врагом – до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы, и выберет уклад новой государственной жизни. Предать же Россию в руки её исконного врага – германского племени – и сделать русский народ рабами немцев, я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!"

Корнилов категорически отказался сдать должность главнокомандующего, а генерал Лукомский – принять её. На требование Керенского Крымову остановить движение тот телеграфировал: "остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно".

Отказался остановить эшелоны и принять должность главнокомандующего и командующий Северным фронтом генерал Клембовский. Из пяти командующих фронтами, он был одним из двух, открыто поддержавших Корнилова. Второй – командующий Юго-Западным фронтом Антон Деникин, заявившей о своей поддержке Корнилова сразу же при получении телеграммы Керенского об отставке последнего.

Керенский принял командование на себя и вызвал в Петроград генерала Алексеева, чтобы назначить его главнокомандующим. Но тот также такой приказ выполнять отказался.

Выступление генерала Корнилова поддержали Союз офицеров и петроградские офицерские организации. Командующие четырьмя фронтами объявили о своей солидарности с Верховным Главнокомандующим.

28 августа 1917 года.

Войска генерала Крымова заняли Лугу, разоружив местный гарнизон. У станции Антропшино корниловская Туземная дивизия вступила в перестрелку с солдатами Петроградского гарнизона.

В условиях угрозы власти правительства Керенский ищет возможности для переговоров, но его отговаривают ехать в Ставку из-за опасности расправы. Ходят слухи, что Александру Фёдоровичу в войсках вынесен смертный приговор.

Помощь в подавлении выступления правительству предложили Советы. Временное правительство было вынуждено прибегнуть к услугам большевистских агитаторов для контакта с восставшими частями и раздать оружие петроградским рабочим, начавшим формировать отряды собственного ополчения – Красной Гвардии. Большевикам тоже совершенно не улыбалась перспектива захвата Петрограда войсками Корнилова.

Керенский издал указ о снятии с должностей и предании суду за мятеж генерала Корнилова и его сподвижников.

29 августа 1917 года.

Эсеро-меньшевистский Центральный Исполком Советов образовал "Комитет народной борьбы с контрреволюцией" и обратился к ЦК большевиков с просьбой о вступлении в этот Комитет. ЦК большевиков согласился. Чтобы объяснить такой резкий поворот в отношении к меньшевикам и эсерам, ЦК разослал местным партийным организациям телеграмму, которой говорилось:

"Во имя отражения контрреволюции работаем в техническом и информационном сотрудничестве с Советом при полной самостоятельности политической линии"

Продвижение войск корниловцев было остановлено 29 августа на участке Вырица-Павловск, где попросту разобрали железнодорожное полотно. Благодаря агитаторам, посланным для контактов с восставшими частями, удалось добиться того, что последние сложили оружие.

30 августа 1917 года.

В письме в ЦК Ленин дает следующую тактическую установку:

"Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная, и забывать ее нельзя. Мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе подойдем к задаче борьбы с ним..

Теперь главным стало: усиление агитации за своего рода "частичные требования" к Керенскому: арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль. Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не прямо, а со стороны. И агитировать надо сию минуту не столько прямо против Керенского, сколько косвенно против него же. А именно: требуй активной и активнейшей истинно революционной войны против Корнилова.

Развитие этой войны одно только может привести нас ко власти, и говорить в агитации об этом поменьше надо"

ЦК большевиков энергично взялся за организацию рабо-

чих дружин и Красной гвардии в рабочих районах Петрограда. Оружие они получали из правительственных складов и даже непосредственно с заводов. Так, Путиловский завод дал Красной гвардии 100 артиллерийских орудий. На военно-политическое обучение Красной гвардии большевики выделили свыше 700 инструкторов.

Вовсю развернула в эти дни свою работу Военная организация ЦК, на этот раз при официальной поддержке правительства и Советов. Более того. Корниловские дни и свой временный контакт с правительством и Петроградским Советом ЦК большевиков использовал для вооружения своих сторонников во всех узловых пунктах страны: в областях Москвы, Центральной промышленной области, Урала, Поволжья, Украины, Закавказья, Дона, Сибири, Туркестана, Прибалтики – всюду создавались рабочие дружины и Красная гвардия.

Разумеется, Временное правительство освободило всех арестованных большевиков во главе с Троцким, Каменевым, Луначарским. Распоряжение о привлечении к судебной ответственности Ленина и Зиновьева формально отменено не было, хотя их никто не искал. Зиновьев даже участвовал на заседаниях ЦК, которые происходили легально.

Поход Корнилова почти без единого выстрела провалился, а генерал Крымов, приехавший на аудиенцию к Керенскому, через час после этой аудиенции застрелился.

ЦК большевиков постарался извлечь из своего участия в

подавлении похода Корнилова на Петроград максимальный политический капитал. В решающем пункте – в вопросе об изменении партийного состава столичных Советов – этот капитал был уже извлечен. На перевыборах Советов в Петрограде и Москве большевики вместе с сочувствующими им левыми эсерами получили большинство.

Корнилов отказался от предложений покинуть Ставку и бежать. Не желая кровопролития в ответ на уверения в верности от преданных ему частей из уст Генерального штаба капитана Неженцева – "скажите слово одно, и все корниловские офицеры отдадут за вас без колебания свою жизнь", генерал ответил: "Передайте Корниловскому полку, что я приказываю ему соблюдать полное спокойствие, я не хочу, чтобы пролилась хоть одна капля братской крови".

Конец августа 1917 года.

Возросшее влияние большевиков, увеличение их представительства в Советах и тот факт, что розыск Ленина уже не вёлся правительственными службами столь активно привели к тому, что в ЦК возник вопрос – не стоит ли Ленину вернуться в Петроград. Тем более, что это совпадало с желанием самого Владимира Ильича, который, будучи в курсе происходящего из регулярно доставляемых ему газет, попросил Шотмана поставить в ЦК вопрос о его, Ленина, возвращении.

Вопрос в ЦК обсуждался очень тщательно. Поначалу большинство высказывалось за немедленный приезд. Но когда тот же Шотман подробно рассказал, какому риску подвергался Владимир Ильич при переезде в Финляндию, как бдительно охраняется граница, с какой тщательностью проверяют документы всех переезжающих границу, особенно приезжающих из Финляндии, ЦК постановил до поры до времени задержать Владимира Ильича, поручив Шотману подготовить переезд с полной гарантией безопасности.

В это время без ведома ЦК Ленин при содействии Эйно Рахья переехал из Гельсингфорса в Выборг, по-видимому намереваясь пробраться в Петроград.

Узнав об этом, Шотман немедленно поехал в Выборг и застал Ленина в чрезвычайно возбужденном состоянии. Од-

ним из первых вопросов, который задал вождь, был: "Правда ли, что Центральный Комитет воспретил мне въезд в Петроград?" Когда Шотман подтвердил, что такое решение действительно есть, Ленин потребовал письменное свидетельство. Шотман взял листок бумаги и написал приблизительно следующее:

"Я, нижеподписавшийся, настоящим удостоверяю, что Центральный Комитет РСДРП(б) в заседании своем от такого-то числа постановил: Владимиру Ильичу Ленину, впредь до особого распоряжения ЦК, въезд в гор. Петроград воспретить".

Взяв этот документ, Владимир Ильич бережно сложил его вчетверо, положил в карман и, заложив руки за вырезы жилета, стал быстро ходить по комнате, повторяя несколько раз: "Я этого так не оставлю, так этого я не оставлю!"

Соскучившись по обсуждениям и дискуссиям, Ленин накинулся на Шотмана. Сначала стал подробно расспрашивать – что делается в Питере, что говорят рабочие, что думают отдельные члены ЦК о выборах в районные думы, о настроении в армии и прочее. Показывал составленные им различные таблицы с цифрами, ясно рисующие огромный рост сторонников большевиков не только среди рабочих и солдат, но и среди городской мелкой буржуазии. Вопли Керенского о развале армии и о крестьянских волнениях также показываю, говорил Ленин, что страна явно на нашей стороне, поэтому основной нашей задачей в данный момент является

немедленная организация сил для захвата власти. Шотман, старался утихомирить развоевавшегося Ленина, доказывал, что захват власти в настоящий момент еще невозможен, говорил, что технически мы еще не подготовлены, что людей, умеющих управлять сложным государственным аппаратом, у нас нет и так далее.

На все эти возражения Владимир Ильич, нарочито упрощая вопрос, отвечал одно: "Пустяки! Любой рабочий любым министерством овладеет в несколько дней. Никакого особого умения тут не требуется, а техники работы на первых порах и знать не нужно. Это дело чиновников, которых мы заставим работать так же, как они теперь заставляют работать специалистов".

Несколько раз Шотман принимался спорить с Владимиром Ильичом. Считая совершенно невозможным в то время захват власти, он приводил сотни доказательств. Но Ленин как-то просто разбивал их, и оппоненту всё трудней становилось возражать. Правда, от некоторых вопросов Владимир Ильич просто отмахивался, говоря: "Там видно будет!"

Разгорячившийся Шотман придирался к Владимиру Ильичу по всякому пустяку, благо свободного времени было много. И соскучившийся по словесным битвам Ленин охотно пускался в споры. Начали, например, обсуждать предложение Владимира Ильича аннулировать денежные знаки, как царские, так и керенские.

– Откуда же мы возьмем такую уйму денег, чтобы заме-

нить существующие? – ехидно вопрошал Шотман, наперед торжествуя победу в этом вопросе.

– А мы пустим в ход все ротационные машины и напечатаем за несколько дней такое количество, какое потребует-ся, – отвечал не задумываясь Владимир Ильич.

– Да ведь их каждый жулик подделает сколько угодно!

– Ну, напечатаем различным сложным шрифтом. Да, впрочем, это дело техников, чего тут спорить, там видно будет!

И опять начинал доказывать, что дело не в этом, а в том, чтобы провести в жизнь такие законы, чтобы весь народ увидел, что это его власть, а раз народ это увидит, то поддержит. А остальное само собою приложится. Как только возьмем власть, сейчас же прекратим войну. Как только сделаем, армия, которая устала и воевать не хочет, будет безусловно за нас. У царя, дворян, помещиков и попов земли отберем, передадим их крестьянам. Ясно, крестьянство будет поддерживать нас целиком. Фабрики и заводы также отберем у капиталистов и передадим в руки самих рабочих, рабочего государства.

"Кто же тогда будет против нас?" – восклицал Ленин, близко наклонясь к собеседнику и пристально глядя в глаза. При этом чуть улыбаясь и прищулив левый глаз.

– Только бы не пропустить момент! – повторял Ленин десятки раз и опять настаивал, чтобы Шотман как можно скорее организовал ему переезд в Петроград.

31 августа 1917 года.

ЦК большевиков решил воспользоваться созданным положением, чтобы предложить меньшевикам и эсерам компромисс: те согласны образовать свое правительство Советов, а большевики согласны отказаться от требования немедленного перехода власти в руки "пролетариата и беднейшего крестьянства" (диктатуры пролетариата).

ЦК большевиков специально обсуждал данный вопрос. По докладу Каменева была принята резолюция "О власти", которую и довели до сведения Центрального Исполкома Советов, а также напрямую Петроградскому и Московскому Советам. Главные требования, выдвинутые в резолюции, были таковы:

1. Устранение Временного правительства и создание власти революционного пролетариата и крестьянства.
2. Декретирование демократической республики.
3. Передача помещичьей земли без выкупа крестьянам.
4. Введение рабочего контроля.
5. Объявление тайных договоров недействительными и предложение Германии немедленного мира.
6. Прекращение репрессий против большевиков.
7. Отмена смертной казни на фронте и выборность комиссаров.
8. Осуществление права наций на самоопределение

(Финляндия, Украина).

1-3 сентября 1917 года.

Ленин написал специальную статью о вышеописанном предложении ЦК. Эта статья так и называлась: "О компромиссах". Ленин пишет, что обычное представление о большевиках сводится к тому, что никаких компромиссов большевики не признают. Но как бы лестно ни было для революционеров такое представление о них, всё же оно неверно. В истории большевизма бывали вынужденные и добровольные компромиссы, но при этом большевики оставались верными своим принципам.

Ленин писал:

"Компромиссом является с нашей стороны наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков. Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве отказались бы от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование"

Но предложение большевиков принято не было. В дни Корниловского мятежа была создана Директория из пяти человек во главе с Керенским. По замыслу она должна была стать, собственно, правительством. Большинство Центрального Исполкома Советов Директорию поддержали. Реакция

большевиков была мгновенной. Ленин писал:

"Меньшевики и эсеры не приняли, даже после корниловщины, нашего компромисса, мирной передачи власти Советам, они скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами. Долой меньшевиков и эсеров! Беспощадная борьба с ними!".

Лозунг "Вся власть Советам!" оставался, но этот лозунг теперь рассматривался как лозунг восстания. ЦК большевиков и Ленин решили, что уже наступает время, когда на повестку дня пора поставить уже именно этот вопрос.

Первого сентября из тюрьмы вместе с другими арестованными в июле большевиками был выпущен Лев Троцкий. Пребывание в тюрьме не прошло даром. Заключение тяготило Льва Давидовича не связанными с этим житейскими неудобствами. Нет, на такие вещи Лев Давидович уже давно обращал весьма мало внимания.

Надоедало вынужденное безделье. Он ехал в Россию, чтобы выступать на митингах, агитировать, спорить. Склонять на сторону революции тех, кто ещё колеблется, а тем, кто уже сделал выбор, помогать в выборе – куда идти дальше.

А он сидел в тюрьме, изредка видясь лишь с семьёй и с представителями ЦК большевиков, старавшимися держать нового члена партии в курсе быстро меняющейся ситуации.

Разумеется, Троцкий старался не тратить время даром. За время пребывания в тюрьме он написал две работы: "Когда же конец проклятой бойне?" и "Что же дальше? (Итоги

и перспективы)", в которых, конечно, отстаивал необходимость как прекращения войны, так и свержения Временного Правительства.

Но этого ему было мало. Поэтому сразу же после освобождения речи Троцкого зазвучали на митингах на улицах, на заводах, в казармах, в Петроградском Совете, ЦК большевиков. Больше всего в сентябрьские дни ему пришлось выступать в цирке "Модерн".

Здание цирка располагалось неподалёку от штаб-квартиры большевиков. С годами оно порядком обветшало и разрушилось, и в январе 1917 года года пожарные запретили проводить там представления.

Что и позволило большевикам сделать его одним из любимых мест выступлений. Сейчас, после победы над корниловщиной, число слушателей, собиравшихся в здании бывшего цирка, пожалуй, намного превышало число зрителей, посещавших представления когда тот ещё нормально функционировал.

Разумеется, Троцкий был не единственным большевистским оратором в эти дни. Работы хватало для всех. Но по силе ораторского мастерства – по единодушным отзывам – мало кто мог хотя бы сравниться с Львом Давидовичем. Тем более в отсутствии Ленина, который ещё в августе, свято соблюдая требования конспирации, перебрался с Зиновьевым в Финляндию.

Улучшилось и благосостояние семьи Троцкого. Кроме до-

ходов от печатавшихся статей – которые, кстати, тоже возросли с ростом популярности – и положенных Льву Давидовичу денег за членство в Исполкоме Петроградского Совета – он получал и в кассе большевистской партии, которая заботилась о материальном положении своих лидеров.

Ленин всегда умел раздобывать средства на партию – эксами ли через Кобу, добровольными ли пожертвованиями от богатых сочувствующих вроде Саввы Морозова или от германского кайзера, в конце концов – но умел. Кроме того, были ещё членские взносы, а ведь численность партии только к началу августа выросла втрое по сравнению с февралём.

Так что семья Троцкого поселилась в маленькой квартирке, которую сдавала вдова либерального журналиста, в большом буржуазном доме. Не мучимый больше мыслями – как там без него Наташа и дети, Лев Давидович всецело отдался любимому делу. Борьбе.

3 сентября 1917 года.

15 сентября в Петрограде должно было открыться Всероссийское Демократическое Собрание, которое созывалось меньшевиками и эсерами от имени Центрального Исполкома Советов. Собрание должно было избрать Предпарламент (Временный Совет республики).

Большевистский ЦК обсуждал вопрос участия в нём большевиков. Ленин, с которым бесперебойно поддерживалась почтовая связь, был против. Он не желал в этом вопросе играть по правилам меньшевиков и эсеров. Неучастие набравших всё большее влияние большевиков должно было, по его мысли, сразу значительно уменьшить вес Предпарламента, который предполагалось на Собрании создать.

Но ЦК большевиков с вождём не согласился. Принципиальное решение об участии в Демократическом собрании было принято 3 сентября. В циркулярном письме к местным организациям ЦК потребовал "приложить все усилия к созданию возможно более значительной и сплоченной группы из участников собрания, членов нашей партии".

Ленин вынужден был решение Центрального Комитета признать. Раз уж так случилось, то в своём очередном письме он предлагал Центральному Комитету огласить на Собрании от имени большевистской фракции краткую декларацию.

Дальше вождь писал:

"Потом «мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и казармы: там ее место, там нерв жизни. Там мы должны разъяснить нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее Советским правительством, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя".

12 сентября 1917 года.

Влияние и популярность большевиков в массах росли с каждым днём. Большую роль в этом играл не только авторитет партии, сильно выросший после победы над корниловским мятежом, но и самоотверженность большевистских ораторов. Несмотря на то, что желающих слушать их выступление было необычайно много, и всем им приходилось выступать по несколько раз на дню казалось, они не желали, тем не менее, пропустить любую возможность обратиться к слушателям. Разумеется, в отсутствие Ленина и Зиновьева Троцкий был наиболее значимым из них. Впоследствии он шуточно вспоминал о тех днях:

"Я застал в Петербурге всех ораторов революции с осипшими голосами или совсем без голоса. Революция 1905 года научила меня осторожному обращению с собственным горлом. Митинги шли на заводах, в учебных заведениях, в театрах, в цирках, на улицах и на площадях. Я возвращался обесиленный за полночь, открывал в тревожном полусне самые лучшие доводы против политических противников, а часов в семь утра, иногда раньше, меня вырывал из сна ненавистный, невыносимый стук в дверь.

Меня вызывали на митинг в Петергоф или кронштадтцы посылали за мной катер. Каждый раз казалось, что этого нового митинга мне уже не поднять. Но открывался какой-то

нервный резерв, я говорил час, иногда два, а во время речи меня окружало плотное кольцо делегаций с других заводов или районов. Оказывалось, что в трёх или пяти местах ждут тысячи рабочих, ждут час, два, три. Как терпеливо ждала в те дни нового слова пробужденная масса."

15 сентября 1917 года.

В этот день в Александринском театре открылось Всероссийское Демократическое Собрание.

А в ЦК большевиков было зачитано письмо Ленина написанное 13-14 сентября. Оно называлось "Марксизм и восстание". Это письмо представляет собой тактико-стратегический трактат на тему – как успешно провести вооруженное восстание.

Его центральная мысль: восстание – это искусство. Ленин писал:

"А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, то есть как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать Генеральный штаб и правительство, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы".

На заседании ЦК присутствовало из 24 членов ЦК – 16 человек. В числе присутствовавших были Троцкий, Каменев, Рыков, Сталин, Свердлов, Дзержинский и другие. Главным и единственным вопросом повестки дня было обсуждение цитированных предложений Ленина.

ЦК фактически отклонил предложение о восстании. Письма Ленина дали Центральному Комитету лишь повод в ближайшее время назначить заседание, посвященное обсуждению тактических вопросов.

Не было принято и предложение Сталина "разослать письма в наиболее важные организации и обсудить их". Это был, собственно, предлог, чтобы вообще уклониться от прямого ответа Ленину.

Не было принято также и заявление Каменева, который очень резко требовал отклонить ленинские предложения вообще.

20 сентября 1917 года.

Число большевиков в Петроградском Совете росло со дня на день. Их число почти уже достигало половины от общей численности. Между тем в Президиуме все еще не было ни одного большевика. Встал вопрос о его переизбрании.

Большевики предложили меньшевикам и эсерам коалиционный президиум. Несмотря на недавнюю совместную борьбу против Корнилова, Председатель Совета Ираклий Церетели предложение отклонил.

Хитрому Троцкому только этого и надо было. Теперь предстояло голосовать по спискам. Лев Давидович поставил вопрос: входит ли в список Президиума Петроградского Совета Керенский или нет.

Формально он числился в Президиуме, но в Совете не бывал и всячески демонстрировал свое к нему пренебрежение. Вопрос застиг врасплох. Керенского не любили и не уважали. Но меньшевики и эсеры не могли дезавуировать своего министра-президента. Пошептавшись, члены президиума ответили: "Конечно, входит".

Троцкий облегченно выдохнул. Попались. Он попросил слова.

– Мы были убеждены, что Керенского нет больше в составе Совета. Но оказывается, заблуждались. Между Чхеидзе и Церетели витает тень Керенского. Когда вам предлагают

одобрить политическую линию Президиума, так помните, не забывайте, что вам предлагают тем самым одобрить политику Керенского, – прозвучало с трибуны.

Этот лихой финт сразу добавил большевикам голоса сотни-другой колеблющихся делегатов. Совет насчитывал несколько за тысячу членов.

Началось голосование. В зале царило чрезвычайное волнение.

В это время Троцкий невозмутимо прогуливался в кулуарах с кучкой соратников, как будто это всё его не касалось.

Впрочем, по его позднейшим воспоминаниям он полагал, что до пятидесяти процентов не хватит около сотни голосов. Но и в этом Лев Давидович готов был видеть успех. Такого большевики всё равно ещё никогда не добивались и близко.

Но оказалось, что они получили даже на сотню с лишним голосов больше, чем коалиция эсеров и меньшевиков. Победители.

Вновь избранный Президиум должен был избрать из своей среды Председателя. Впрочем, в решении подобных вопросов у большевиков обязательно участвовал ЦК, причём его мнение было решающим. Но мало кто сомневался, что Совет возглавит Лев Троцкий.

Теперь уже бывший Председатель Совета Ираклий Церетели на прощанье пожелал большевикам продержаться в Совете хоть половину того срока, который Совет возглавляли меньшевики и эсеры.

Надежды Ленина, связанные со Львом Давидовичем, сбывались одна за другой. Троцкий уже большевик и скорее всего возглавит Петроградский Совет. Но главное было впереди.

21 сентября 1917 года.

В Александринском театре продолжалось Всероссийское Демократическое Собрание с участием меньшевиков, эсеров и большевиков. К окончанию работы Собрание должно было избрать Предпарламент (Временный Совет республики).

Ленин был, конечно, категорически против вхождения большевиков и в Предпарламент, о чём и уведомил ЦК. Это требование обсуждалось на заседании, где в числе прочих присутствовали Троцкий, Каменев, Сталин, Свердлов, Рыков, Бухарин.

В отношении Предпарламента 9 голосами против 8 было решено туда не входить. Но поскольку такое разделение голосов не создавало устойчивого большинства, ЦК решил передать окончательное решение данного вопроса самой фракции большевиков на Собрании, выделив двух докладчиков: за бойкот – Троцкий и против бойкота – Рыков. Решением фракции было принять участие. Только Троцкий и троцкисты были за ленинскую тактику бойкота.

25 сентября 1917 года.

Председателем Петроградского Совета решением ЦК стал Троцкий, которого Совет и утвердил 25 сентября.

Что интересно, примерно в то же время Председателем Московского Совета был утвержден другой член ЦК большевиков – Ногин.

Партия наступала на всех фронтах.

Впрочем, до полной победы было ещё далеко. Несмотря на непримиримую позицию Ленина, ЦК в очередной раз пошёл на соглашение. По его инициативе Президиум Петроградского Совета был избран коалиционным – четыре большевика, два эсера и один меньшевик.

Хотя Ленин был против наличия там кого-либо кроме представителей собственной партии.

27 сентября 1917 года.

Как мы видим, в профессиональной сфере дела у Троцкого шли прекрасно. Но этого нельзя было сказать о жизни его семьи.

Материальное положение налаживалось. Нынешняя квартира была куда комфортабельнее "Киевских Номеров". Дети ходили в гимназию, где уровень преподавания был далеко не самым низким в Петрограде. Наташа устроилась на службу в профсоюз деревообделочников.

Ну, а когда Лев Давидович стал членом ЦК партии большевиков и возглавил Петроградский Совет, материальные проблемы вообще отошли на второй план. Они даже наняли кухарку. Сейчас, когда оба родителя подолгу отсутствовали, кто-то должен был готовить и следить за тем, чтобы дети питались вовремя.

Но у того факта, что жилищные условия на новом месте жительства значительно отличались от предыдущих в лучшую сторону, имелась и обратная сторона.

Растущая популярность большевиков привела к усилению антибольшевистской пропаганды в буржуазной прессе. Если меньшевики с эсерами забеспокоились всерьёз, то что говорить о более правых партиях типа кадетов (конституционных демократах)? Поток грязи, выплёскивавшийся со страниц газет на большевиков, становился всё полноводнее день

ото дня.

Разумеется, наиболее горячо муссировалась старая песня о шпионаже в пользу Германии. Тем более, что помощью немцев Ленин пользовался, деньги у них брал и особо не скрывал этого.

Беда в том, что под ту же гребёнку причёсывали и Троцкого, занявшего сейчас, пожалуй, самое видное место среди большевистских лидеров – в отсутствие Ленина.

В общем, его поливали со страниц прессы грязью чуть ли не больше всех. Ну а в доме, где Лев Давидович с семьёй снимали квартиру, практически все жители относились к обезпеченной группе населения и читали именно буржуазные газеты.

Имя Троцкого склонялось печатью на все лады. В доме его с семьёй все больше окружала стена вражды и ненависти. Кухарка Анна Осиповна подвергалась атаке хозяек, когда являлась в домовый комитет за хлебом. Двенадцатилетнего Льва младшего травили в гимназии, называя его, по отцу, "председателем". Когда Наташа возвращалась со службы, старший дворник провожал ее ненавидящими глазами. Подниматься по лестнице было пыткой. Хозяйка квартиры все чаще справлялась по телефону, не разгромлена ли ее мебель. Неизвестно, что ей наплели о семье Троцкого, раз она так беспокоилась.

Лев Давидович с семьёй хотели переехать, но куда? Квартир в городе не было. Положение становилось все более

невыносимым.

Николай Маркин узнал об этом случайно. Лев Давидович не любил делиться своими проблемами. Но не забудем дружбы между Николаем и старшим сыном Троцкого. Дети не умеют так хорошо скрывать своё внутреннее состояние, как взрослые.

Поэтому в последнее время матрос стал замечать, что Лев Львович стал задумчив, отвечает на вопросы невпопад, и его явно что-то гнетёт. На вопросы Николая Лёвушка старался отмалчиваться. Но в конце концов не выдержал и заговорил. Начав говорить, он сразу выложил всё, что тяжким грузом лежало на сердце.

Николай слушал, внутренне скрипя зубами. Ну, сволочи буржуазные, это вам даром не пройдёт. Он поднялся.

– Лёва ... ты не волуйся ... теперь ... Ты – сын Троцкого ... потерпи пару дней ... Проблему решим ... Пошёл я.

Матросов из команды Маркина рассказанное возмутило. Тимоша потребовал немедленно посетить дом, где проживала семья революционера и "задать перцу", как он выразился, этим "обнаглевшим буржуазным прихвостням". Митроха с Павлом были с ним полностью согласны, и даже спокойный Сергей, подумав, встал на сторону Тимоши. Егор пока помалкивал, ожидая решения старшего. Оно не замедлило воспоследовать.

– Пойдём, конечно ... но позже ... Митроха ... найди Петра ... у него голова варит ... лучше наших.

В последнее время Пётр почти не патрулировал вместе с матросами. Все наличные силы большевиков были брошены на агитацию в массах, и Пётр, конечно, не мог остаться в стороне.

Он с радостным удивлением отметил, что речи его стали лучше. Исчезли малороссийский акцент и простонародные словечки. Да и сами выступления стали более нацеленными, логичными и соответственно производили куда большее воздействие на слушателей.

Сказывалось, во-первых, частое присутствие на митингах, где говорили ведущие ораторы партии, во-вторых постоянное чтение "Правды", где печатались чеканные ленинские статьи, и в-третьих, как ни странно, чтение переводов рассказов об английском сыщике Шерлоке Холмсе, у которого Пётр учился умению логически мыслить.

В общем, Мартынов превращался во вполне неплохого оратора. Конечно, до признанных мастеров, таких, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Луначарский, Володарский ему было далеко, но уровень рос.

Узнав о проблеме, взволновавшей матросов, он на несколько секунд задумался, после чего выдал:

– Ваша правда. Такого спускать нельзя. Льву Давидовичу сейчас и выспаться-то не всегда удаётся – когда ему ещё и этим заниматься.

Значит, так. Навестить придётся два места. Сам дом и гимназию. В гимназии надо говорить осторожно. Общаться

придётся с учителями. Народ образованный, умный. Их надо убедить. Там говорить буду я, а вы делайте, что скажу.

В доме зайдём в домовый комитет, ну ещё с дворником побеседуем. Там надо дать понять, что мы такие вещи спускать не будем. Пусть знают. Да, и в гимназии постараться выяснить – кто из учеников на сына Троцкого больше всех бочку катит. Заводилы есть везде. И адреса узнать, а как будем в доме – поговорить с родителями. Ясное дело, дети не сами такое удумали – дома от отцов с матерями услышали.

Значит, сейчас поздно, а завтра – в гимназию. Надо к большой перемене подгадать – с директором побеседовать. Форму заранее почистить, красные банты приколоть, винтовки на плече. Пацаны такие вещи любят ... проникнутся. Пока буду с директором беседовать – по коридорам погуляете. Пусть не вас посмотрят.

А оттуда – в домовый комитет, к дворнику – ну и по адресам самых оголтелых. Никого не трогать, особенно в гимназии. Но в доме можно попугать. Всё ясно?

В гимназии директор оказался мужчиной типично интеллигентного вида – костюм, галстук, усы, бородка, пенсне. Преподаватель арифметики. Узнав, зачем пришли Пётр с матросами, он сразу обрисовал главную проблему:

– Не понимаю – чего же вы хотите от меня. Да не суйте свой мандат – для меня он ничего не значит. Вы по мандату дознаватель – вот и ловите уголовников. А здесь иной колленкор.

Во всех газетах пишут, что большевики – немецкие шпионы. А эти газеты читают и учителя, и родители учеников. Как я могу им запретить обсуждать поднятые там вопросы? Да и разве большевики не шпионят в пользу Германии? Мне кажется, это – общеизвестный факт. Ленин с Зиновьевым вне закона, а отца Лёвушки, кажется, даже арестовывали по этому обвинению.

Мне очень, разумеется, не нравится, что в гимназии у учеников разногласия по политическим мотивам – но ещё раз – как я могу запретить им обсуждать?

В кабинете директора кроме него самого в этот момент находился только Пётр. Матросы в парадной форме с красными бантами и винтовками на плечах прогуливались с Лёвушкой по коридорам и этажам, всячески демонстрируя свою дружбу с ним.

Пётр взглянул в умные и немного усталые глаза директора.

– Вы абсолютно правы, – не спеша начал Пётр, – в газетах пишут много нелестного о большевиках. Поскольку хозяева этих газет их откровенно боятся. Думаю, ни для кого не секрет – кто победил корниловщину. Вам бы понравилось, если бы в школу ворвались черкесы из какой-нибудь "Дикой дивизии"? А большевики сделали так, что корниловцы до Питера даже не дошли. Да и дошли бы – тут уже была готова Красная Гвардия.

Вот и поднялся в массах авторитет большевиков. Да так,

что Петроградский Совет стал большевистским, а отец Лёвушки – его председателем. Соответственно, меньшевики с эсерами проиграли. Это их бесит. Вот и пишут в своих газетах любую гадость.

Вы сами посудите. Партию большевиков никто вне закона не объявлял. Всех арестованных по обвинению в шпионаже выпустили. Могло бы это быть, если бы шпионаж доказали? Вот и выходит, что никаких доказательств нет, а есть одни грязные измышления. Пристало ли вам, директору гимназии, ими руководствоваться в своей работе?

Да и рассудите логически – вы же учитель арифметики. Ну, как могут Ленин и его соратники быть шпионами? От тех ведь немцам понадобились бы хотя бы какие-никакие сведения. Откуда большевикам их взять? Они что, на секретных заводах работают?

Вот и выходит – чушь это всё собачья. А вы, взрослый умный человек, директор гимназии – им верите. И кто детей защитит от обидных слов после этого? Ребёнок же беззащитен. Ну, дома его родители в обиду не дадут, а здесь кто? Кроме вас и других учителей некому!

Директор задумался. Потом поднялся и решительно пожал Петру руку.

– Вы меня убедили. Что ж, постараюсь проблему решить. Сразу не обещаю – непросто это, но приложу все усилия. Да, сразу. Я буду говорить с учителями – так могу ли им сказать, что Петроградский Совет обратил внимание на нездоровую

атмосферу в гимназии, и это и было причиной вашего визита? Знаете, для некоторых с позволения сказать педагогов официальная точка зрения важнее тех доводов, которые вы здесь привели. Так-то коллектив у нас хороший, но в семье не без урода. А сказали вы здорово. Ребёнок беззащитен, поэтому в ответе – мы, учителя.

– Разумеется, можете. Вопрос воспитания детей важен, и в Совете это понимают. Благодарю за понимание. Мне бы ещё адреса тех учеников, кто особенно активничал в травле Лёвушки. Хотим с их родителями побеседовать.

– А, ну что же. Хотел сам, но так, возможно, будет и лучше. У вас получится. Приятно удивлён, что в Петросовете работают такие люди, как вы. Обождите, я сейчас список напишу с адресами. Мне, знаете, всё докладывают, так что фамилии этих учеников у меня давно записаны отдельно.

В доме, где проживала семья Троцкого, первым был сагитирован дворник. Впрочем, похоже, он всё понял ещё когда, подметая двор, увидел приближающуюся группу матросов в парадной форме с приколотыми красными бантами, сопровождаемую внушительного вида солдатом – также с бантом.

До мастера чистоты сразу дошло, что ему оказали честь своим посещением представители власти, и последующий спич Тимоши – "геройский пламенный революционер", "если какая-то буржуазная сволочь думает, что", "если мы хоть раз ещё только услышим" – был уже лишним.

Дворники вообще нечасто враждуют с властями.

В домовом комитете находились председатель и две ещё не старые барышни интеллигентного вида. При появлении столь внушительного вида делегации они тут же насторожились.

Впрочем, в глазах барышень кроме настороженности читался ещё и чисто женский интерес, вызванный как бравым видом матросов, так и габаритными фигурами Петра и Егора. Обе были всегда равнодушны к большим мужчинам, особенно с такими роскошными усищами, как у Мартынова.

Председатель реагировал более нервозно. Стремясь сразу поставить непрошенных посетителей на место, он грозно спросил:

– Чем обязан, господа? Вы по какому вопросу?

Пётр, не удостоив того ответом, подошёл к его столу, повернул стул, уселся на него верхом и уставился немигающим взглядом в глаза председателю. После театральной паузы извлёк свой мандат Петроградского Совета, развернул, подвинул председателю и начал:

– Вы председатель домкома? Это у вас тут позволяют себе проявлять неуважение к семье героя революционной борьбы?

Николай Маркин садиться не стал. Остановившись у края стола главы домового комитета, он кинул на того свой фирменный угрюмый взгляд, после чего, как бы потеряв интерес к происходящему, взял со стола карандаш и начал рассеянно вертеть в руках. Остальные матросы вольготно располо-

жились в помещении домкома, причём Егор оказался почему-то около стола барышни, с самого начала обратившей на него особое внимание.

Пётр не торопясь забрал со стола свой мандат, на который председатель, занятый осмыслением происходящего, так и не успел взглянуть, аккуратно сложил, засунул обратно в нагрудный карман гимнастёрки и сообщил:

– Лев Давидович Троцкий на днях избран Председателем Петроградского Совета. Слыхали о таком? У него дел невпроворот, заниматься вашим болотом абсолютно некогда.

Поэтому мы здесь. Извольте доложить, куда деваются пайки, положенные семье героя, и на каком основании тут находятся неосознательные личности, позволяющие себе эту семью третировать?

Недавно выученное слово "третировать" прозвучало без запинки, чему Мартынов про себя порадовался. Председатель, впрочем, этого достижения не оценил и попытался хорохориться:

– Я, господа, не совсем понимаю – о чём вы тут говорите. Какие пайки? Кого третируют?

– Кр-р-рак! – раздался хруст сломанного карандаша с того места, где стоял как бы безучастный Николай. Когда председатель взглянул на того, от безучастности уже не осталось и следа.

Взгляд главы домкома встретили как будто два винтовочных дула, в которые превратились глаза Маркина. Просто

мрачным, как обычно, взор матроса назвать было уже нельзя, в нём сквозила откровенная ненависть.

Пётр внутренне ухмыльнулся, не подавая вида и ответил.

– Всё вы прекрасно понимаете . . . товарищ, – слово "товарищ" было выделено интонацией. Солдат как бы противопоставлял его обращению "господа", постоянно используемому председателем. – Вы что, желаете, чтобы Петроградский Совет прислал специальную комиссию, которая перетряхнёт всё в вашем доме, в том числе все бумаги и побеседует с каждым жильцом? И примет меры по каждой жалобе?

На сей раз Пётр выделил интонацией слова " примет меры", заставив председателя задуматься – какие же меры будут приняты. Почему-то это немедленно ассоциировалось в его мозгу с вгоняющим в дрожь угрожающим взглядом Николая. Председатель был побеждён.

– Я всё понял, товарищи, – торопливо заговорил он, – Я немедленно приму меры. Конечно, такое отношение к семье героя недопустимо. Моё упущение. Заверяю вас, подобное не повторится.

– Ну вот давно бы так, – улыбнулся Пётр, поднимаясь со стула и давая знак матросам – достаточно, уходим.

У дверей Маркин повернулся и ещё раз ожёг председателя взглядом. Не забывай, мол, а то вернусь, и так просто не отделаешься.

Лев Давидович первое время не мог понять, почему отношение к нему и его семье столь радикально изменилось.

Блокада прекратилась, точно кто-то снял её всемогущей рукой. Старший дворник при встрече с Наташей кланялся ей тем поклоном, на который имели право только самые влиятельные жильцы. В домовом комитете стали выдавать хлеб без задержки и угроз. Перед носом никто не захлопывал больше с грохотом дверь.

Троцкий начал что-то понимать только когда дворник после подобострастного поклона при встрече попросил его передать поклон "вашим матросикам", а сын как-то невзначай похвастался, что в гимназии все завидуют его дружбе с героическим революционными матросами.

После расспросов Лёвушка, не видя причин скрывать, рассказал о недавнем визите в гимназию своих друзей из Петроградского Совета, а когда отец спросил – не рассказывал ли Лёва кому-нибудь о их житейских проблемах, сообщил, что никому, только как-то поделился со своим другом Николаем.

Для Льва Давидовича всё сразу встало на свои места. Да уж, молчаливый матрос вполне мог принять обиды, наносимые семье ближе к сердцу, чем свои собственные.

На заданный прямой вопрос Николай честно ответил:

– Да заходили как-то ... по дороге ... поговорили чуток ... а что ... будут большевиков ... уважать ... вам же не до этого ... а нам в радость ... помочь.

– Хорошенькое "по дороге", – развеселился Лев Давидович, – дворник при встрече как князьям каким-нибудь кла-

няется, а председатель домкома только что "чего изволите" не спрашивает. Вы что там творили?

– Да ничего ... объяснили кой-чего ... они знать должны ... большевиков не замай ... а Троцкого особенно.

– Да уж, объяснили, вижу. Но вообще-то спасибо тебе, Николай. Я уж не знал, что и делать. Съезжать хотел, да где ж сейчас в Питере жильё найдёшь.. Но уже не нужно. Ещё раз тебе спасибо.

– Да ладно, – засмутился Маркин, – мы завсегда ... только скажите.

– Да? Послушай, а ты сможешь ещё в одном деле помочь? Только тут потруднее будет. Даже не знаю – сможешь ли.

– Всё, что в наших силах ... сделаем ... Говорите ... что надо-то?

– Понимаешь, нам газету Совета печатать стало негде. Владельцы типографий все сплошь отказали, как Совет большевистским стал. Не хотят печатать, буржуи.

– Понял ... да, это потруднее будет ... но попробуем ... помозговать нужно.